

КАЗАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ АРАБИСТЫ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Т.И. Зяппаров, г. Казань

Казанский университет одним из первых в России получил кафедру восточной словесности и стал в 30 – 50-х гг. XIX в. ведущим российским центром востоковедения. Успехи казанской ориенталистики были обусловлены как благоприятными условиями местной мусульманской среды, так и одновременной деятельностью таких покровителей востоковедения, как министр народного просвещения С.С. Уваров (1833 – 1849), попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин (1827 – 1845) и ректоры Казанского университета К.Ф. Фукс (1823 – 1827) и Н.И. Лобачевский (1827 – 1846).

Всего на Восточном разряде Казанского университета было открыто семь кафедр: арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842) армянская (1842) и калмыцкая (1846). Следует отметить, что арабский язык был первым из преподававшихся здесь иностранных восточных языков, и именно *Христиан Мартин (Христиан Данилович) Френ* (1782 – 1851) стал зачинателем научного востоковедения в Казанском университете и, в частности, казанской арабистики. Более того, академик И.Ю. Крачковский считал, что «основным объектом преподавания Френа за все десять лет в Казани был почти исключительно арабский язык».

В 1800 – 1804 гг. Френ учился в Ростокском университете у знаменитого немецкого ориенталиста О.Г. Тихсена. Позже он получает степень доктора философии и магистра свободных наук, а также степень доктора богословия. Вскоре после этого в ответ на просьбу С.Я. Румовского, первого попечителя Казанского учебного округа, порекомендовать кого-либо на вакансию профессора кафедры восточных языков в Казанском университете, Тихсен отметил именно Френа как своего самого талантливого студента.

Двумя главными проблемами, с которыми столкнулся Френ на новом месте работы в 1807 г., были крайняя малочисленность его слушателей и плохое знание его учениками латинского языка, из-за чего лекции профессора были малопонятны.

Используя немногие доступные в то время издания, Френ ежегодно менял комментируемых авторов и, как мог, пытался разнообразить преподавание. В первом плане преподавания арабского языка значилась этимоло-

логия арабского языка и объяснение арабских авторов (Абульфеда или Локмана). С тех пор в ежегодных отчетах Френа значились жизнеописание десяти визирей по изданию Кносса, чтение арабской хрестоматии Тихсена, Абульфедовы таблицы о Магребии и Нигриции по изданию Эйхгорна, избранные арабские произведения в стихах и прозе, стихотворения Шараф-аддина, статьи из Фаттеровой и Ранковской хрестоматий географического и исторического характера. Арабский словарь, составлением которого Френ занимался в Казани и впоследствии в Петербурге, так и остался неизданным.

Летом 1818 г. на место профессора восточной словесности по рекомендации Френа был приглашен доктор философии Геттингенского университета *Фридрих Франц Эрдман*. Однако Эрдман, по мнению исследователей, был больше чиновником от ориенталистики, нежели самим ориенталистом. Отзываясь об этой стороне его деятельности, историк востоковедения И.Ю. Крачковский пишет, что Эрдман «умел импонировать людям мало сведущим или власть имеющим, почему достиг чинов и степеней известных, нередко выполняя должности декана и проректора».

Вряд ли можно сказать, что за 27 лет своей деятельности в Казанском университете Эрдман подготовил себе преемников-арабистов из числа студентов. 34 научные работы Эрдмана на немецком, латинском, русском и французском языках также не принесли их автору ожидаемого признания.

Мирза Александр Касимович Казем-Бек стал наиболее видным из всех казанских ориенталистов. Крачковский пишет о нем, что «он не без оснований считается создателем казанской школы востоковедения, на которую наложил отпечаток своей слагающейся научной индивидуальностью». Казем-Бек начинает работать в Казанском университете в 1825 г. по представлению Эрдмана, а уже через три года стал заведующим вновь образованной кафедры турецко-татарской словесности.

Помимо Эрдмана и сменившего в 1846 г. его на посту заведующего кафедрой арабско-персидской словесности Казем-Бека здесь также работали следующие арабисты:

Михаил Борисович Первухин; Николай Дмитриевич Сонин (Багиров); Иван Петрович Жуков, Михаил Тимофеевич Навроцкий, позже возглавивший кафедру арабской словесности в Петербургском университете и опубликовавший известную грамматику арабского языка; *Иван Иванович Иванов; Ахмед ибн Хусейн ал-Мекки* (природный носитель языка. Он разговаривал со студентами на «живом арабском языке», т.е. упражнял их в мекканском диалекте. В Казани сохранилось в рукописи его учебное пособие «Русско-арабские разговоры»); *Мухаммед-Галей Махмудов* (Махмудов был здесь единственным представителем татарской нации и не являлся преподавателем арабского языка. Сту-

дентам университета и гимназии, изучавшим восточные языки, он преподавал каллиграфию и был незаменимым специалистом в своей области. Махмудов изучил персидский, турецкий и арабский языки в 19 лет под руководством известного муллы Хайбуллы хазрета); *Иван Николаевич Холмогоров* (преподавал в 1848-1852 и 1861- 1868 гг., стал экстраординарным профессором арабского языка уже после закрытия Восточного разряда в 1863 г);

Иосиф Федорович Готвальд (1813-1897, преподавал в 1849-1855гг.). Уроженец Силезии, немецкий славянин, он в 1836 г. получил степень доктора философии от Бреславльского университета и через два года благодаря протекции академика Френа получил должность библиотекаря в императорской Публичной библиотеке. В 1849 г., в связи с отъездом из Казани Казем-Бека, Готвальд был назначен ординарным профессором арабского и персидского языков (т.е. фактически возглавил кафедру арабо-персидской словесности), а на следующий год – и библиотекарем Казанского университета, где проработал практически до смерти в 1897 г. Являлся членом-корреспондентом Рижского (1844) и Лейпцигского (1846) ученых обществ, членом испытательного комитета университета. С 1855 г. Готвальд также выполнял обязанности цензора восточных сочинений.

И.Ю. Крачковский отводит Готвальду несколько страниц в своей истории российской арабистики и, воздавая должное заслугам ученого, называет его «серьезным арабистом с основательной подготовкой», появившемся впервые в Казани после Френа.

Отличительной чертой арабистики, как и всего востоковедения в Казанском университете, стала широкая языковая подготовка студентов. Выпускники арабо-персидской кафедры владели арабским, турецким, персидским и латинским языками, а также факультативно занимались другими языками под руководством своих наставников.

Несмотря на некоторые трудности, связанные с трудоустройством по окончании университета, многие из воспитанников кафедры заняли видные посты на государственной службе или продолжили научно-исследовательскую и преподавательскую работу в университетах, гимназиях и Азиатском департаменте МИД. Кафедра арабско-персидской словесности давала России в первой половине XIX в. первоклассных знатоков арабского языка в соответствии с целями, которые ставились перед Восточным разрядом и востоковедением в целом.

Научные труды казанских ученых первой половины XIX в. также во многом определили последующее развитие арабистики в России и за рубежом. Среди наиболее выдающихся работ следует отметить такие труды, как «Монеты восточных династий Саманидов и Буидов, с конца IX до первой половины XI века» и «О необходимости употребления критического разбора

изданий арабских авторов, с приведенными примерами из истории Сарацинской Алмадина» Х.Д. Френа, «Мюхтасерюль вигкает. Курс мусульманского законовещения», «О некоторых политических переворотах, приготовивших поприще Мохаммеду в Аравии и вне ее», «О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии» Казем-Бека, «Описание арабских рукописей, принадлежащих библиотеке императорского казанского университета» и «Опыт арабско-русского словаря на Коран, 7 моллакат и стихотворения Имруулькейса» И.Ф. Готвальда, «Очерки арабской речи и арабской письменности» И.Н. Холмогорова и другие.

Кроме того, кафедрой неоднократно организовывались научные путешествия своих выпускников с целью сбора информации и ценных материалов по истории, филологии и этнографии Ближнего Востока. Такой поездкой, оставившей заметный след в арабистике, стало путешествие В.Ф. Диттеля и И.Н. Березина в Персию, Турцию и страны арабского Востока в 1842-1845 гг. В своих научных путешествиях Диттель и Березин посетили некоторые области России, населенные мусульманами, Иран, Турцию, Грецию и такие города арабского Востока, как Хилле, Багдад, Мосул, Диарбекир, Семисат, Искендерун, Алеппо, Антакия, Антиохия, Пальмира, Баальбек, Дамаск, Акр, Яффа, Иерусалим, Газа, Александрия и Каир.

Несмотря на перспективы, стоявшие перед Разрядом восточной словесности вообще и казанской арабистикой в частности, в 1851-1854 гг. Николаем I были подписаны указы «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском университете» (октябрь 1854 г.), обозначившие новую политику централизации востоковедения. К тому же Казанский университет с самого начала отличался вольнолюбивым духом и свободомыслием. Теперь основным центром российской ориенталистики становились Петербургский университет и другие высшие учебные и научные заведения Москвы и Петербурга. Студенты Восточного разряда, также как и профессора и лекторы А.К. Казем-Бек, И.Н. Березин, Н. Сонин, М.Т. Навроцкий, были переведены на восточный факультет Петербургского университета. Преподавание восточных языков в Казанском университете было прекращено в 1855 г. и уже не возрождалось в прежнем объеме.

Восторженные отзывы о казанском востоковедении того времени следует с полным правом отнести и на счет школы университетской арабистики. Огромная положительная роль Казанского университета в формировании отечественной и мировой арабистики очевидна, однако нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении.